

Из Венеции
в осень

НАТАЛЬЯ ШЕМЕТ

12+

Наталья Шемет

Из Венеции в осень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41856903

SelfPub; 2019

Аннотация

Светлая и легкая книга, полная жизни, метафор и волшебства. В ней коты рассказывают истории, а влюбленные пьют апельсиновый чай. У Судьбы можно купить романтика, художник пишет картины на улицах Венеции, а в шкафу хранятся крылья. В кафе к тебе подсаживается двойник, гитара имеет душу, а диван становится героем рассказа. В ней полнолуние случается потому, что страшно, а весна приходит в любое время года вслед за радостью. Истории, рассказы и зарисовки романтичны, полны любви и нежности. А еще книга – с капелькой грустинки и чуть недосказанная, потому что дорога в осень у каждого своя. Приятного и доброго путешествия – из Венеции в осень.

Содержание

Двойник	4
Осень	30
Дар господина Фатумского	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Двойник

В небольшом кафе было спокойно и уютно. Посетители, впитав атмосферу этого мирного места, разговаривали вполголоса, никто не курил. Шустрые официанты бесшумно сновали от столика к столику. Я села у окна, устроилась поудобнее. Остановив свой выбор на чашечке кофе и огромном куске шоколадного торта, с любопытством осмотрелась: да, тут очень мило. Обстановка кафе настраивала на лирический лад.

Осенний день взбудоражил город обманчивым теплом – на улице было не по сезону солнечно и шумно. А тут царил полумрак и тихо звучала классическая музыка. По диагонали от меня, в углу, стоял старый рояль, напротив размещался бар. Как ни странно, соседство короля музыкальных инструментов и стойки с алкогольными напитками меня не корбило.

Теплые стены цвета кофе с молоком на первый взгляд выглядели оклеенными пожелтевшими листами, вырванными из огромной нотной тетради. Для далекого от музыки человека все это, наверное, казалось бессмысленным нагромождением линий, точек и запятых. Я же с удивлением узнавала на стенах любимые с детства великие вещи, созданные Моцартом, Вивальди, Верди... Приглядевшись, я поняла, что

все это нарисовано вручную и отрывки из произведений гениальных композиторов – не что иное, как кропотливая роспись. И не поленился же кто-то так потрудиться. Но результат того стоил – кафе было милым и романтическим.

Как я тут оказалась, до сих пор удивляюсь – ведь это совсем рядом с моей работой, а я ни разу тут не была. Некогда, все время некогда. Дела, заботы, проблемы...

Но только не сегодня.

И это было очень странно, непривычно. Я смотрела по сторонам и думала: в кои-то веки вышла с работы, не торопясь, и мне никуда не надо спешить, никуда не надо мчаться. Муж уехал в командировку, на целых три дня. Сын с футбольным клубом укатил на соревнования.

Я хотела поехать с ними – с одним или с другим. Тем более, что была возможность. Куда там... Муж сказал, что ему не до меня, он, видите ли, будет очень занят. Сын уже совсем большой мальчик. Как раз в том возрасте, когда дети стесняются появляться на людях с матерью. Вырос ребенок, четырнадцать лет – не шутки. И как это произошло? За постоянной беготней не заметила.

Так вот, сегодня, после работы, я бесцельно шла по улице, рассматривая витрины. Зашла в один магазин, потом в другой. И абсолютно неожиданно для самой себя завернула в кафе.

И теперь мне совсем не хотелось уходить.

Милая девушка принесла заказ. Я подумала о том, что ес-

ли бы пришлось подождать и подольше, меня бы это совсем не расстроило – давно я не чувствовала себя так комфортно и спокойно.

Кофе оказался превосходным. Наверняка таким будет и десерт. Я заказала еще одну чашечку и снова принялась смотреть по сторонам.

Мой столик был в уголке зала и немного в стороне. Сквозь дымчатое стекло одностороннего окна я видела людей, снующих по улице, а меня, я точно знала, не видел никто. Люди, закончив работу, привычно спешили: кто по домам, кто забирать детей из школ и детских садов, в банк, на почту, по магазинам, на встречу... А я удивлялась тому, что меня сейчас нет в этой суетной толпе: сижу тут, ем потрясающий шоколадный десерт, а рядышком дымится вторая чашечка кофе.

Я с наслаждением отправила в рот маленький кусочек шоколадного торта. Кулинарный шедевр таял во рту, наполняя меня неземным блаженством. Вкуснотища!

Как же все-таки я люблю шоколад. Любой, в совершенно любом виде – молочный, горький, с орехами, с каким угодно наполнителем; конфеты, и плитки, и, конечно, горячий шоколад. Но торт, шоколадный торт – это нечто абсолютно особое. Нежнейший темный бисквит с прожилками шоколада, тяжелый крем цвета густого какао с молоком и все это залито черной, блестящей шоколадной глазурью толщиной почти в сантиметр...

Я так редко могу себе это позволить. Во-первых, дорого... во-вторых, калории. Но сейчас – можно. Ммм... какое ни с чем не сравнимое удовольствие.

И – свобода.

Мои размышления прервала появившаяся перед моим столиком незнакомая девушка.

Не спрашивая разрешения, села напротив. Одна из официанток тут же подошла к незнакомке, и та заказала кофе.

Я молча наблюдала, удивляясь такой наглости. В кафе полно свободных мест! Это что, ее любимое? Может, это ее постоянный столик? Но тогда почему она молчит?

Незнакомка, столь беспардонно усевшаяся за занятый мной стол, по всей видимости, была дамой обеспеченной – дорогая куртка, шикарная сумочка. Разглядывать в упор ее было неловко, но краем глаза я заметила ухоженные руки с аккуратным, неброским, мастерски выполненным маникюром и огромную копну вьющихся темных волос. Красотка... Вот только волосы падают на лицо, не разглядеть толком. Но почему-то она показалась мне знакомой. Я с нарастающей завистью поглядывала на шикарные локоны, спадающие на плечи незнакомке. Нет, ну это становится очень любопытным! Интересно, сколько ей лет? Она явно старше, чем показалось на первый взгляд – виной тому, что я приняла ее за молодую девушку, была точеная фигурка. И достоинство, с которым она заказала кофе, не присуще юным особам.

Вот сейчас она царственным тоном попросит меня удалиться.

Но незнакомка выглядела абсолютно спокойной и, казалось, не испытывала никакого дискомфорта.

Меня же с головой захлестнуло острое чувство зависти. Я на ее фоне выглядела определенно Золушкой. Странно, почему меня это так взволновало?

– Прошу прощения, мы знакомы? – я наконец-то решилась нарушить неловкое молчание. – Или вы, вероятно, меня с кем-то спутали?

– Мы знакомы, – мягким, бархатным, прямо-таки чарующим голосом откликнулась незнакомка и откинула с лица копну волос.

На меня смотрело мое собственное лицо.

Мое. Собственное. Лицо.

У меня перехватило дыхание и пропал дар речи.

Пока я приходила в себя, дама молча улыбалась. Снова обретая способность дышать и говорить, я еле слышно произнесла:

– Ты кто?

– Жизнь, – просто ответила она.

– Чья?

– Твоя.

Спорить почему-то не хотелось.

Я смотрела на нее во все глаза: у нее было мое лицо, и в то же время – абсолютно чужое. Со стороны мы могли бы

показаться дальними родственницами – богатой и бедной, молодой и пожившей, успешной и не очень... Рядом с ней я в своем любимом, но не очень новом костюме, со старой – признаюсь! – сумкой, руками, давно не видевшими маникюра, выглядела замарашкой. Уж чего-чего, а критического взгляда на вещи мне не занимать.

– И... что тебе нужно от меня? – тщательно подбирая слова, произнесла я.

– Да ничего, в общем-то, особенного. Поговорить. Как думаешь, найдутся у нас общие темы для разговоров? У тебя и у твоей жизни?

– Наверное, – осторожно предположила я. – А почему я должна тебе верить?

– Несомненно, не должна, несомненно, – согласно закивала она головой. – Но я могу тебе доказать. Придумай самый заковыристый вопрос о себе – и я отвечу на него.

– Один?

– Давай три.

Игра была любопытная.

Я задумалась.

– Итак...

Варианты вопросов о любимой книге, любимом напитке, любимом блюде пришли в голову первыми, но это было глупо. День, когда я познакомилась с мужем... нет, не то. День, когда я впервые узнала, что сын – влюбился... еще в детском саду... да я сама точно не помню. А что, если...

Вариантов, что передо мной сидит хакер, было ничтожно мало.

– Пароль моей электронной почты? – спросила я, здраво предполагая, что посторонний человек знать его не должен.

– Которой?

Я заколебалась на мгновение, а незнакомка достала ручку из сумки, взяла салфетку и, не задумываясь, написала на ней три адреса и три пароля.

Невозможно. Один из них я сама не помню наизусть!

– Достаточно? – усмехнулась незнакомка, разрывая салфетку на мелкие кусочки. – Или будешь задавать еще вопросы?

– Пока не знаю, – честно ответила я. – Так ты что, все обо мне знаешь?

– Да.

– Непостижимо, – пробормотала я.

– Нет, это вполне рядовая ситуация, – поправила меня она. – Я же твоя Жизнь, не чужая.

– И что ты хочешь от меня?

– У меня к тебе деловое предложение, – незнакомка не намерена была тянуть время.

Да уж, чем раньше она объяснит, что происходит, тем будет лучше.

– Ты жизнь... если так, то где же... смерть? – сглотнув, произнесла я. Меня кольнуло нехорошее предчувствие. Нет, я не могу. Не сейчас... я не готова, не хочу...

– Успокойся, до встречи с ней тебе еще очень далеко, – улыбнулась дама. – У нас с тобой столько всего впереди!

У меня немного отлегло от сердца. Это было очень странно – но я почти ей верила. Однако ощущение того, что я в данный момент являюсь участницей кошмара, не проходило. Как же так? Я так спокойно пила кофе... Кто же она такая?! Жизнь... да пусть так, не буду с ней спорить. Мало ли.

– Так что за предложение? – вежливо поинтересовалась я.

– Сразу к делу? Ну, хорошо. Не будем терять время. Я пришла вот с чем, – дама подалась немного вперед. Мне захотелось отодвинуться подальше – так разговаривать со своим двойником было как минимум жутковато. – Слушай. Каждому человеку дается шанс прожить лучшую из уготованных для него жизней. Но не все выбирают именно ее.

Ну, вот... началось. Куда ни глянь – все любят пофилософствовать, независимо от образования и профессии.

Впрочем, почему бы не послушать, что она говорит? Пусть рассказывает. Тема-то интересная. Послушаем, поговорим. Почему бы нет? Все равно спешить мне некуда. Развлечение, несомненно, специфическое. С другой стороны, хорошая альтернатива одинокому вечеру...

– Пресловутые семь дорог?

– Нет, не семь. Двадцать одна.

– Очко? – усмехнулась я, в общем-то успокаиваясь.

– Да, именно так. Очко. Трижды семь – двадцать одна

жизнь.

– Что ж выбор так невелик?

– Да нет же, это большой выбор. Один человек имеет шанс пройти по каждой из двадцати одной дорог. Двадцать одна дорога – двадцать одна жизнь, двадцать одна ветка. Но каждая из этих основных веток имеет в свою очередь бесчисленные ответвления. Но об этом не будем – суть одна. Двадцать одно. Очко, как ты правильно выразилась. Все остальное – незаметные на первый взгляд отличия и сейчас к делу не относятся.

– Это как? Не понимаю.

– Ну, это типа поехать домой на другом троллейбусе или вообще отправиться непривычным маршрутом. Что-то изменится. Но не сильно. Встретить старого друга, договориться о встрече и потом думать – пойти или не пойти, надо мне это или нет. Правда, если каждый раз искать себе такие мелкие «развлечения», в конце концов, можно перескочить с ветки на ветку.

– Куда перескочить? – у меня голова пошла кругом.

– С одной дороги жизни перейти на другую. Ну что тут непонятного? Как в метро. Сейчас объясню на пальцах. Вот, к примеру, у женщины все хорошо. Привычно, обычно, как у всех. Все устоялось. Дом, работа, дом. Дети, муж, борщ и котлеты. Так и будет жить, так и будет готовить обеды, выйдет на пенсию, в лучшем случае будет на даче помидоры с огурцами разводить.

– Тоже хорошо.

– Не спорю. Но вдруг она встречается со старой подругой. Предположим, где-то там они в детстве лазили вместе по заборам, деревьям, вместе были впервые влюблены в одного мальчика – в общем, впечатления остались самые светлые. Поговорили. Эта, первая женщина, и забыла, какая боевая она была в детстве. Разошлись. Периодически переписываются. Первая готовит обеды, вторая ездит на семинары. Первая печет пироги и разгребает проблемы на работе из-за больничных по уходу за ребенком, вторая опять сменила работу. Первая все еще тут, вторая обживаетесь в другом городе. Полгода не прошло, а она уже хорошо обосновалась и все зовет подругу к себе. Первая, может, и хотела бы, но никак не получается. Наконец-то решает вырваться на пару дней – погостить. Потом еще на пару дней. Там она знакомится с кучей народу, и однажды покоряет всех своими пирожками «из топора». В общем, суть, думаю, ясна, так что я закругляюсь. Далее она попадает на телевидение, где демонстрирует свое мастерство в кулинарном шоу, заканчивает курсы... назовем их «виртуозы выпечки», и в конце концов открывает свою булочную. В результате вся семья перебирается жить в столицу. Точно так же та, первая женщина, может потом выращивать помидоры на даче, если захочет. Только дача будет со всеми удобствами, в отличие от хибарки, что была ей уготована в первом случае. Вот это называется перескочить с ветки на ветку. А можно было и дальше сиднем сидеть на

диване.

Я задумалась. Сидеть сиднем – это в точку. Это явно обо мне.

– А как же судьба?

– Судьба, – фыркнула Жизнь. – С ней у нас договоренность. Определенная.

– А выражение «на роду написано»? – не унималась я.

– На роду много чего написано. Да только не все умеют читать, – отрезала Жизнь.

Да... Потрясающе! Кем бы ни был мой двойник, то, что она говорила, было весьма любопытно.

– Давай не будем отвлекаться, – продолжала дама. – Значит, три раза по семь. Каждая из трех семерок имеет свои отличия. Первые семь – не очень-то и веселые. Вернее, это самые тяжелые дороги. Те, по которым идти не желательно. Проблемы – на самом деле, большие проблемы. Предательство. Болезни. Нужда. Эти дороги я бы не хотела тебе показывать. Это самое плохое, что, как ты правильно сказала, на роду у человека написано. Но всего этого может и не быть, это крайний вариант и он, к счастью, не твой, так что оставим. Следующие семь – средние. Средний достаток, средняя работа, среднее положение в обществе, средний дом, средненький муж со средней зарплатой, сама звезд с неба не хватаешь. Все, в общем-то, неплохо, но и сказать, что жизнь удалась, нельзя.

– Многие так живут.

– Да, многие. В основном эти семь дорог самые популярные. Варьируются от «вкалываю, как ломовая лошадь, а толку – ноль» до «чего напрягаться, все и так нормально. Живем, как все, потихоньку, не высовываясь. И так сойдет». Плывут себе по течению, вздыхая об упущенных возможностях и изредка покупают два-три лотерейные билета, надеясь на чудо. Сетуют, ах, жизнь такая серая. Не я, а сами такие! Вокруг столько красок! Просто надо открыть глаза пошире и посмотреть вокруг. Вспомнить, о чем мечтал. Подумать, что ты умеешь делать лучше других или даже к чему у тебя талант. Должен же быть у человека какой-то талант! И у каждого он есть. А вы со словами «судьба такая» складываете лапки и плывете по течению жизни, словно это не ваша судьба решается, а абсолютно чужого человека, до которого вам нет никакого дела. И тонете в рутине, в суете, в бытовых никому не нужных мелочах. Забывая о том, что спасение утопающего – дело рук самого утопающего.

– А что ты предлагаешь? – спросила я лишь для того, чтобы не молчать.

– Я всем предлагаю лучшие семь дорог! Лучшую семерку из возможных! Но люди – то боятся, то стесняются, то не верят. Это бедствие какое-то!

– Ну, так все правильно. Я тоже не верю.

– Давай-ка я кое-что тебе покажу.

– Покажи, – согласилась я.

Дама пристально посмотрела на меня.

Дальше я не поняла, что произошло – то ли она взяла меня за руку, то ли мне это просто почудилось, но все вокруг замелькало, замельтешило... Как в детстве – когда смотришь в трубку, в которой осколочки разноцветного стекла насыпаны, и в зеркалах отражаются. Калейдоскопом называлось. Вот и реальность завертелась вокруг меня, как тот самый калейдоскоп.

Я почувствовала легкое головокружение и слабую тошноту, но вот картинка остановилась.

Яркий свет, огромный зал, тысячи лиц. На сцене театра разворачивалось – вернее, подходило к концу – какое-то феерическое действие, и я, я была там! Я – и в то же время не я – пела главную партию. А настоящая «я» стояла рядом, хоть никто, как ни странно, не обращал на это внимание. Мой голос звенел под сводами театра, и вот последний аккорд, чистейшее верхнее «ля», тишина... и зал взорвался неистовыми аплодисментами. Крики «браво, бис», цветы... Да, это была я, действительно я! Это я стояла на сцене, это мое сердце неистово билось. Чувствовала, как тянет холодом по полу, но тело горело, мне было жарко, ужасно жарко.

Экстаз. Непостижимый, необъяснимый, неземной экстаз овладел мной.

– Да, это ты. – Жизнь все время была рядом, а я ее и не заметила. – Это могла бы быть ты. Почему же ты не стала ею?

– Не знаю. Тогда не хотела. Потом было поздно.

– Нет, еще долго не было поздно. Почему ты отказалась от своей мечты?

– Сомневалась... боялась... была не уверена. Не знала, что именно мне нужно...

– Теперь действительно поздно, – припечатала Жизнь.

– Большое спасибо! – разозлилась я. – Тогда зачем ты мне это показываешь?

– Чтоб ты знала, что это все могло быть в твоей жизни.

– Ага, и это было бы просто так? Такая вот малина, вся спелая и ни одной гнилой ягодки? Только сладость и никакой горечи?

Жизнь удовлетворенно кивнула.

– Я знала, что ты не глупая. Смотри дальше.

Театральный подъезд. Несколько шкафообразных охранников ведут меня к машине. Вокруг щелкают фотоаппараты. Я словно была рядом, и в то же время чувствовала то, что чувствует эта, другая. Я – та, другая – улыбалась, но улыбка была не настоящая. Мы «обе» сели в машину.

Экстаз, охвативший меня во время пения, прошел. Улыбка понемногу сползала с губ. Я знала, что еду домой, в прекрасный, шикарный, но такой пустой дом. Одинокий. Муж оказался донжуаном, и я не вынесла его измен. Мы расстались. Но на самом деле я всегда была замужем за театром. Театр отнимал все – время, силы, эмоции. Он забирал все, но в то же время давал мне испытать невысказанное чувство

эйфории, восторга и неистового счастья, когда тебе рукоплещет публика. За эти мгновенья я была готова отдать все – и я все отдала. Артистка положила к ступеням театра жизнь, и он, не задумываясь, поглотил ее. Я жила в театре, там любила и чувствовала, страдала и радовалась, испытывала восторг, горечь разочарований и радость побед, там была настоящая моя жизнь, а больше... больше ничего не было.

Это продолжалось уже давно, я привыкла и была счастлива. Только ненавидела возвращаться поздно вечером в одиночество. Наверное, поэтому я далеко не каждую ночь проводила дома.

Все это вихрем пронеслось в голове, я посмотрела внимательнее на саму себя – в мехах и шикарном наряде, и та, другая «я», тоже посмотрела на меня.

Я отпрянула назад... и вывалилась обратно в кафе.

– Это не счастье, – сказала я.

– Нет, счастье. Ты счастлива там. Была бы счастлива.

– Но... дом, семья, дети... Разве есть что-либо прекраснее материнства? Шепот огня в камине, потрескивание поленьев, тихий семейный вечер... когда ты знаешь, что этот огонь ты поддерживаешь сама – в этом счастье...

– А камина-то у тебя нет.

– Да я так, образно...

– Не в этом случае, – отрицательно покачала головой Жизнь. – Там у тебя на все это не было времени. Но в данном случае это и не было твоим предназначением – ты служила

театру, и главное всего на свете для тебя был бы зритель, который, стоя, рукоплескал тебе после каждого спектакля. Это – счастье. Поверь мне. Не многим дано такое испытать.

– Я бы так не хотела... наверное, поэтому у меня ничего и не вышло. Я бы не смогла...

– Смогла бы. Но это уже дело прошлого.

– Тогда я не понимаю смысла всего этого!

– Скоро поймешь.

Жизнь снова пристально посмотрела на меня, и калейдоскоп закрутился во второй раз.

Огромный город. Наверное, так выглядит мегаполис, который мне, прожившей всю жизнь в небольшом городке, сложно даже представить. Он обрушился на меня оглушающим гамом: бесконечные вереницы сигналящих машин; толпы спешащих людей; здания, сияющие яркой рекламой и уходящие высоко в небо. Большинство из них были именно как муравейник с его ходами – с бесчисленными коридорами и офисами. Вот в одном из них мы и оказались.

Немыслимо – но на этот раз я увидела себя, сидящую за компьютером в отдельном кабинете. Табличка на дверях гласила: «Главный редактор». Не может быть!

Да, вот уж чудо так чудо – эта дама, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала (редактором которого она – я – в данном случае являлась) была похожа на меня еще меньше, чем певица, которую я видела до этого. Но надо признать

– когда-то, давным-давно, меня посещала такая идея – заняться журналом, правда, все это было смутно, неконкретно. Точно так же призрачно, как и желание стать певицей.

Здесь, у этой женщины, было двое детей, они учились в престижной школе. Правда, виделись они редко – отвозил в школу и привозил их обратно шофер, а если вечерами дети были дома, то сидели по своим комнатам. Я – она – дома бывала редко даже вечерами: презентации и выставки, дружеские вечера и обязательные ужины – все это отнимает уйму времени и сил, но я счастлива. Правда, муж ворчит и злится, что меня постоянно нет дома, но мне недосуг все это выслушивать. Я слишком занята, от меня так многое зависит, я такая важная персона! Как же мне нравится моя жизнь!

– Так жить сложно. Я бы так не смогла, – сказала я Жизни, снова очутившись в кафе.

– Смогла бы. Ко всему привыкаешь.

– Но у меня нет специального образования, – слабо сопротивлялась я.

– Конечно, сейчас нет. Но могло бы быть. Второе образование разве кто-то отменил?

– Ладно, – вздохнула я. – Это все?

– Ну, я просто обязана показать тебе еще кое-что.

На этот раз меня первым делом окутали запахи – невероятная смесь пряного, сладкого, горького и свежего. Я бы-

ла одета странно: на мне балахон, вышитый кричащим орнаментом, волосы перехвачены ярким платком, на запястьях множество браслетов.

Курились благовония, где-то звенели колокольчики. А, это посетители зашли в магазин. Ах, это же я – я хозяйка этого экзотического великолепия... Две милые девушки вежливо разговаривают с покупателями, а я просто смотрю вокруг и в очередной раз не верю, что моя мечта сбылась.

Милый небольшой магазинчик с этническими штучками, заморскими сувенирами и разнообразными безделушками, которые приносят в дом тепло и магию южных островов.

В этой жизни у меня было все по-другому – путешествия в дальние страны, муж, разделяющий мое увлечение. Веселые и раскованные дети. Двое – мальчик и девочка. У девочки вся голова в косичках, на запястьях браслеты. Много тонких браслетов. Мальчик серьезный очень, уехал по обмену учиться за границу. Все хорошо...

– А здесь, что здесь не так? – поинтересовалась я.

– Да все так. Только вас собираются выселять, здание – историческая ценность, его будут реставрировать-восстанавливать, так что тебе скоро придется сворачиваться и перебираться куда-нибудь, ты еще не знаешь ничего. В центре аренда стоит немислимых денег, у тебя таких нет, а на окраину не хочется. В общем, надо будет крутиться.

– Этого я не умею.

– Умеешь, – фыркнула Жизнь. – Ты много чего умеешь.

Просто не знаешь. Просто сама себе шанса не давала.

В чем-то она, несомненно, была права.

– Но к чему ты это все показываешь?

– Чтоб ты на саму себя посмотрела внимательно! – Жизнь подалась вперед, заглянула мне в глаза... нет, прямо в душу.

– Вот смотри, смотри и слушай. Сегодня, сейчас у тебя последний шанс изменить все – весь свой мир, всю свою жизнь!

Мир, в котором ты живешь, можно изменить до неузнаваемости, зажить совсем новой жизнью. Ты слышишь? Ты что, спишь?

– А... нет... Так уже и последний, – опомнилась я. Надо же, замечталась!

– Ну, последний хороший шанс, скажем так. Все может быть в жизни, – погрустнела собеседница. – Всякое может произойти, ты же знаешь. Но я не хочу рисовать мрачные перспективы, у тебя достаточно ума и опыта, чтобы избежать неприятностей и не свернуть с прямой дорожки. Не вляпаться в дерьмо, прямо говоря. Но вот это – то, что я предлагаю тебе сегодня, боюсь, что сама, без хорошего пинка, ты не примешь. Не поверишь. Побоишься. Не увидишь просто! А второго такого шанса у тебя не будет. Такой шанс – гарантирую – у тебя последний.

– Хоть кофе-то можно допить?

– Допивай, – милостиво разрешила собеседница. – И слушай. Сейчас ты выйдешь из кафе и встретишь его.

– Его я уже встретила, пятнадцать лет назад, – усмехну-

лась я. – Он был таким романтичным и нежным.

– До тех пор, пока не поставил решетки на окна, да? – с сарказмом произнесла Жизнь.

Горько, но она была права. Действительно, наша жизнь превратилась в клетку. А решетки мы установили сами. И наружу теперь не выбраться, а внутри – тошно.

– Так вот, ты встретишь не его, а Его, – повторила Жизнь, особо выделив последнее слово. – Этот человек – тот, кто круто изменит твою жизнь. Коренным образом изменит! Слушай внимательно. Всю свою жизнь ты вкалывала, как лошадь. Всю жизнь ты старалась быть хорошей для всех, кроме самой себя. Всю жизнь ты жила не своей жизнью – жизнью тех, кто с тобой рядом. Может, пора бы уже заняться собой? Сделать, наконец, что-то для себя? Сын уже большой. Он вырос. А ты была хорошей матерью. С ним все будет в порядке. Муж – вас уже давно ничто не держит вместе, кроме привычки. Пройдет еще пять-десять лет, и сын уедет от вас, и заживет своей жизнью. У него появится своя семья, и видеться вы будете два раза в месяц по выходным. В лучшем случае! А с мужем вы будете жить под одной крышей – не более того. У вас будут разные спальни. Вы почти не будете общаться. Даже есть вы будете, в основном, порознь! Скажи, разве ты никогда не задумывалась об этом? Разве никогда твое будущее не представлялось тебе именно таким?

– И что, это – единственный вариант? – мне было больно.

И обидно. Но с ней я была почти готова согласиться. Все, что она говорила, было именно так.

– Не единственный. Но, поверь, самый вероятный! Так что слушай и запоминай. Ты сейчас выйдешь отсюда, рядом остановится машина, в ней будет мужчина. Он скажет, что не местный, навигация у него сломалась, спросит, как проехать. Цель его пути, оказывается, находится рядом с твоим домом. Но объяснить на пальцах сложно – проще показать. Ты сядешь к нему в машину.

– Да ни за что! А вдруг он маньяк?!

– Логичный вопрос. Может быть. Именно поэтому ты сама и не села бы. Хорошее правило – никогда не садиться в машину к незнакомцу. Гениальное правило! Никогда не надо садиться! Но поверь, ни в этом случае! Гарантирую. Так вот. К моменту, как вы доедете до твоего дома, и у него, и у тебя возникнет чувство, что вы знаете друг друга сто лет и жить порознь уже не сможете. Вы еще долго будете сидеть в машине, забыв о том, что тебе надо домой, а ему – куда-то ехать. Обменяетесь телефонами. Он, вопреки твоим ожиданиям, позвонит. Будет тяжело. Будут проблемы. Тебя будут ругать друзья-знакомые, говорить, что ты сошла с ума. С мужем ты разведешься.

– А сын?

– Сын со временем поймет.

– Со временем...

– Именно так. Со временем. Но поверь, это того стоит!

В любом случае, тебе пора. Ну, поднимайся же! Вот прямо сейчас, сию минуту! Поднимайся и иди!

– А ты?

– Ну, я всегда где-то рядом, – улыбнулась Жизнь.

Я оставила деньги на столе и нерешительно направилась к выходу.

– Ну, давай же! – услышала я за спиной. – Это твой шанс! Смелее! Это твоя жизнь! Возьми ее!

Медленно я приоткрыла дверь на улицу и задержалась на секунду. После полумрака кафе глаза ослепило яркими красками осеннего вечера.

В эту минуту в сумочке зазвонил мобильный телефон.

– Слава? – растерянно произнесла я в трубку. – Что случилось?

– Мама, мама, мамочка! – захлебываясь, кричал сын. Там, где он был, шум и гам стояли невероятные. – Мы выиграли, слышишь? Выиграли, выиграли, выиграли!

– Ох... – у меня отлегло от сердца. – Я так рада за тебя, дорогой! Вы все такие молодцы.

– Мамочка, ты самая, самая лучшая, я так тебя люблю!

– Я тоже тебя очень люблю. А когда ты приезжаешь?

– Я так счастлив, мам! – завопил сын и отключился.

– И некого винить в собственной жизни, кроме самой себя, – пробормотала я, бросая телефон в сумку и наблюдая,

как напротив меня остановилась машина, из нее выглянул импозантный мужчина и что-то спросил у прохожего. А потом покатыл дальше, возможно, унося с собой мою несбывшауюся мечту.

Рядом со мной стояла Жизнь. Во взгляде ее не было ни укора, ни разочарования. Скорее даже, некоторый интерес.

Я пришла домой, сбросила туфли. Прошла в комнату и села, не зажигая свет. Так я просидела довольно долго, размышляя над тем, что со мной произошло.

Хлопнула входная дверь. Я, конечно, слышала, но не вышла мужу навстречу. Странно, вернулся. Я не ждала его сегодня.

Он появился в дверях, а в руках у него был огромный букет роз. Красных, шикарных красных роз.

«С чего бы?» – подумала я.

Муж протянул мне цветы. Какие душистые розы! Просто удивительно. Иногда бывает, что розы совсем не пахнут – а у этих был настоящий, ни с чем несравнимый аромат. «Как в кино», – пронеслось в голове.

– Знаешь... ты извини меня...

– Извинить? – мне стало не по себе.

– Я знаю, что в последнее время мало уделял внимания тебе и Славке. Я видел, как мы отдаляемся друг от друга. Ты, наверное, очень обижалась на меня.

– Я...

– Погоди. Не перебивай. Я все понимаю... я виноват перед вами. Но я все делал только ради нас. Ради тебя, ради сына.

Я молчала и слушала. Голову дурманил дивный аромат, я слушала, а муж говорил, говорил...

Он говорил, что хотел бы поделиться с нами своим тревогой, но не мог – не знал толком, как все сложится, не хотел зря обнадеживать. Сам находился между небом и землей – ничего не было известно. Не знал толком, как быть, что делать – они начали новый проект, и все силы уходили на эту работу, и все так тяжело двигалось, и он так зверски уставал, что дома ему хотелось, чтоб только никто его не трогал, и даже не разговаривал. И вообще последний год на работе все было из рук вон плохо, но затянувшаяся черная полоса закончилась. Наконец-то все утряслось: они сдали работу, сдали благополучно и с похвалой от очень строгого и капризного заказчика, а сегодня – прямо сейчас – мы будем праздновать его повышение. Он очень сильно надеется, что еще не поздно и, если я на него и сердилась, он знает это, то смогу простить, потому что все, что он делал – он делал, несомненно, ради нашей семьи. Теперь многое изменится, и все – в лучшую сторону.

Что можно было сказать в ответ?

Я не придумала ничего другого, как просто обнять его – молча.

Розы он не дарил мне уже много-много лет.

Потом мы пили шампанское на кухне, и говорили – небы-

вало много, как когда-то в молодости, когда не могли наглядеться друг на друга, послушаться.

А через девять месяцев у меня родилась дочь. Первое время я вообще ни о чем не думала, ничего не вспоминала, жила только одним моментом под названием «сейчас». Новорожденная малышка, сын, муж – все и вся требовали внимания и заботы. Но, как ни странно, позднее материнство принесло счастье и спокойствие в мою душу, и вдобавок подарило удвоенную теплоту и любовь моих мужчин – сын, к счастью, совсем не ревновал к девочке и с удовольствием с ней возился. А потом, когда малышка в первый раз улыбнулась, я с удивлением узнала эту улыбку. Она была моей, несомненно, моей – девочка была похожа на меня. Но... ее улыбка также была улыбкой той, с кем я пила кофе около года назад в том чудесном кафе. Той, которая предлагала мне изменить все.

А ведь так все и вышло. Все изменилось. Не знаю, стала бы я более счастливой, если бы выбрала тот уникальный шанс, что предлагала мне Жизнь. Я даже не знаю, куда бы она меня забросила. Кто знает, может, всю жизнь корила бы себя за то, что послушалась чужого мнения. Я не выбрала или все же выбрала, но это уже – совсем другое. Главное, я не ошиблась.

А может, именно так оно и должно было быть.

Я хорошо помню момент, когда муж и сын забирали нас из роддома. Стояло лето: чудесное, зеленое, теплое. Но не жаркое, что было очень кстати. Мы вышли из здания, муж держал на руках нашу дорогую девочку, а я с восторгом огляды-

ввалась вокруг, наслаждаясь свежим воздухом, которого так не хватало в палате. И вдруг я увидела недалеко от нас тонкую фигурку с копной струящихся волос, горящих на солнце каштановым огнем. Я улыбнулась ей, а она помахала мне рукой и пошла по улице, теряясь среди прохожих, отдаляясь от меня все дальше и дальше.

Наконец она обернулась.

Могу поклясться, что она улыбнулась мне в ответ.

Осень

Весна почти всегда проходит очень быстро. Так было и в этот раз – пролетела, прозвенела. Не догонишь. Пронеслось знойное Лето, уступив место желтоглазой Осени.

Осень пришла, торопясь; укутанная в яркий плащ из разноцветных листьев, принесла с собой теплый пряный ветер. Он развевал ее волосы медно-красного цвета, и воздух вокруг Осени был пронизан золотыми нитями.

По летней привычке стол еще накрывался на улице: мой единственный приносил вечно разбредающие по двору стулья, я застилала скатерть с фруктовым узором. Иногда Осень садилась вместе с нами за стол, и тогда становилось страшно – она была так похожа на сидящего рядом мужчину, что я боялась их перепутать. У них были длинные ярко-рыжие волосы, бледная кожа и большие, грустные глаза. Осень пила травяной чай, ела сушеные яблоки и уходила танцевать в поле, изо всех сил стараясь выглядеть беззаботной, но на самом деле ни на минуту не забывала, что времени у нее не много. Она отчаянно не хотела стареть, но с каждым днем на ее лице прибавлялось по морщинке, а рыже-красные волосы прямо на глазах теряли свой блеск и красоту.

Когда Осень уходила, казалось, мы оставались вдвоем. Но на самом деле ее тень незримо присутствовала рядом.

– Почему мне грустно? – спрашивала я. – Потому, что осень?

– Нет, любимая, – тихо отвечал он. – Осень потому, что тебе грустно.

И приносил плед, чтобы укутать мне плечи.

– Что нам делать? Как прогнать Осень? – вслух рассуждала я.

– Никак. Она уйдет сама, – говорил он. – Главное, не пускать ее в свое сердце.

Мы пили горячий чай, щедро разбавленный бренди. Чай был такого же цвета, как волосы Осени. Усталое солнце больше не обжигало; ветер становился все холодней. Мы украсили наш двор виноградом и тыквами, чтобы задобрить Осень. Листья кружились и падали, устилая землю желто-красным ковром. И среди опавших листьев изредка пробегала полевая мышь, спеша в свою уютную норку.

Осень плакала – ее время истекало. Конечно, ей было хорошо с нами. Но ни я, ни мой любимый не старались ее удержать.

Осень плакала холодным дождиком. Слезы не красили ее. Хотя и меня, вообще-то, тоже.

– Милый, скажи: я плачу потому, что дождь? – говорила я сквозь слезы.

– Нет, дорогая, – он грустно качал головой. – Дождь потому, что ты – плачешь.

Зима пришла внезапно. Рассыпая горстями вокруг ледяной бисер, украшая опавшие листья белоснежной крошкой, Зима недолго терпела присутствие соперницы. Осень еще боролась, но силы ее были на исходе. Из яркой красавицы она превратилась в сухую, неопрятную старуху. Зима, словно жестокий ребенок, с радостным улюлюканьем гоняла Осень по окрестностям, бросая ей в спину мокрые снежки, а мы ничего не могли с этим поделать. Такова жизнь.

– Почему мне холодно, скажи, потому, что зима? – еле шептала я.

– Нет, милая. Зима потому, что тебе холодно.

Он хотел бы согреть меня, но не мог. Мой мужчина сам стучал зубами от холода, и его тепла было недостаточно для двоих.

Жизнь превратилась в ледяное желе. Мир засыпал под чарами Зимы, но Осень все еще не сдавалась, никак не уходила, заливая сугробы косыми дождями.

И тогда пришел Страх.

– Мне страшно. Это потому, что полнолуние?

– Нет. Полнолуние потому, что тебе страшно.

...Я проснулась среди ночи. В окно светила круглая желтая луна, словно кто-то вывесил в небе большую головку изгрызенного мышами сыра. Одной было и вовсе нестерпимо холодно. Укутавшись в одеяло, я вышла из комнаты.

В доме никого. Входная дверь приоткрыта. Я выглянула – снаружи шел дождь.

И там, недалеко от нашего дома, по щиколотку в снежном месиве, стоял мой единственный, а рядом с ним я увидела Осень. Она, как и прежде, была золотоволоса и прекрасна и что-то горячо ему говорила. Он стоял, понутив голову, и рассеянно глядел на свои мокрые ботинки.

– Любимый... – прошептала я в страхе, – не пускай ее в свое сердце.

Словно в ответ на мои слова, он поднял глаза на Осень, отрицательно покачал головой и медленно, как во сне, направился к дому. Я босиком выскочила навстречу, и дождь хлынул с новой силой. Осень, на мгновенье вспыхнув ярким пламенем, снова превратилась в старуху и... исчезла.

Мы встретились посреди дождя. Несколько долгих секунд он непонимающе смотрел на меня. В его глазах я все еще увидела отражение Осени, но вот оно стало меркнуть, бледнело и, наконец, исчезло. С нежной улыбкой он привлек меня к себе, и сразу стало тепло.

Дождь прекратился, с неба падали снежинки, опускаясь на рыжие волосы моего любимого алмазными звездочками.

– Осень ушла, – с тихой радостью прошептал он.

– Скоро весна, – невпопад ответила я.

Мы шли домой, держась за руки.

За окном кружил снегопад, а под крышей нашего дома царила Весна.

Щебетали птицы и распускались невиданные цветы, на-

полняя дом чарующим ароматом. На душе было светло и радостно.

– Любимый, скажи: радость – это потому, что весна?

– Нет, – он улыбнулся, глядя, как на мою ладонь опустилась бабочка. – Весна – это потому, что радость.

Дар господина Фатумского

– Кому романтика? А вот кому – романтика? Уникальный экземпляр!

Я замедлила шаг. Что за бред? Какая романтика? Я и слово-то это последний раз не помню, когда слышала...

Невдалеке собиралась толпа: люди все подтягивались, все подходили. Новоприбывшие интересовались, что тут происходит. Многие размахивали руками, спорили. Некоторые так яростно жестикулировали, словно готовы были ввязаться в драку. Значит, дело нешуточное! Центр города, как-никак, кругом административные здания, банки и офисы; толпы и уличные торговцы здесь – редкость. Нет, ну право слово, я заслужила пару минут праздного любопытства. Денек-то у меня выдался тяжелый.

Вскоре до меня стали долетать обрывки фраз:

– Мошенники они...

– А что продают-то...

– Скоро разгонят...

– Да они уже тут полдня...

Что же там происходит? Люди стоят так плотно, ничего не разглядеть. И поверх голов тоже ничего не увидеть.

– А почему никто не вызовет полицию? – поинтересовалась я. – Разве они имеют право здесь торговать?

– Разрешение у него есть! – охотно отозвался кто-то из толпы.

– Ага, я видела, – из толпы зевак вынырнула остроносая немолодая женщина и с удовольствием начала меня прощещать. – Этот – ишь, каков, продавец выискался, костюмчик-то недешевый, глянь!

Даме явно хотелось позлословить! Она ядовито продолжала:

– По мне, так обоих в психушку забрать. Странно, что никто «Скорую» не вызвал, да со смирительными рубашками, виданное ли дело, что творят!

Какой-то человек покрутил пальцем у виска и пошел прочь, качая головой.

Я протискивалась сквозь толпу. На лицах зевак играла целая гамма чувств – от живейшего интереса до откровенной злобы, и мне почему-то стало не по себе. Со всех сторон несло:

– Да он же разрешение всем в нос тычет, хотите – сами посмотрите, спросите, спросите у него, он всем его показывает.

– Разрешение, да откуда у них разрешение, смешно!

– Авантюристы!

– Бандиты, как пить дать, бандиты!

– А мне прикольно, – хохотнул молодой парень весьма расхлябанного вида. – Мне, наоборот, интересно, чем все это закончится.

– А вы его видели? Нет, вы его видели? – две молодые стильные женщины выглядели слегка обалдевшими. – Прямо киноактер!

– Стоят себе, никого не трогают. Народ веселят.

– Идиоты – что с них возьмешь? Клоуны!

– А разрешение ты видел? Там двадцать печатей на листе, поди, докажи, что не имеют право...

– Совсем стыд потеряли, – негодовала невесть откуда взявшаяся старушка с крючковой палкой в трясущейся руке. – В наше время мужчины делом занимались, а не на улице стояли, как неизвестно кто...

С ума сойти можно. Нет, ну что ж там такое, что всех так интересует?! Торговец же продолжал разрываться:

– Уникальнейший экземпляр! Единственный в своем роде! Отдаю почти даром!

В этот момент высокий мужчина, загораживающий весь вид, подвинулся чуть в сторону, и я ловко шмыгнула на его место.

Мне открылось невиданное зрелище. В середине образовавшегося круга находился пожилой мужчина, одетый с иголочки – темный костюм на нем сидел, как влитой. Он возбужденно размахивал руками и тараторил без умолку, а рядом... рядом, низко опустив голову, стоял молодой человек. Торговец не замолкал ни на минуту, расхваливая свой «товар», и постоянно кивал на находящегося рядом парня. Тот

стоял, словно изваяние, только ветерок чуть-чуть шевелил
полы не заправленной в джинсы рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.